

Г. А. МОЛЬКОВ

**СМЕШЕНИЕ БУКВ ϵ И ѣ В СЛУЖЕБНОЙ МИНЕЕ НАЧАЛА XII В.
(СОФ. 188)***

В ранней древнерусской письменности нестабильность в использовании букв ϵ и ѣ наблюдается в орфографических системах двух разных типов. К первому можно отнести системы, на существование которых впервые обратил внимание Н. Н. Дурново. Он заметил, что смешение ϵ и ѣ свойственно большинству древнейших восточнославянских рукописей, но при этом «употребление ϵ вместо ѣ в памятниках русского письма сводится или к единичным примерам при огромном количестве случаев правильного написания, или к определенным категориям» [Дурново 2000: 468]. К таким категориям ученый отнес замену $\text{ѣ} > \epsilon$ в основах мѣта- , тѣлес- и обѣт- , в неполногласных сочетаниях с рѣ и лѣ , в местоименных формах тѣбѣ , себѣ , в основах с начальным ѣ- и в существительных на -ѣник [Там же: 469–472]. За пределами перечисленных разрядов в изученных Н. Н. Дурново рукописях смешение двух графем представлено единичными примерами. Широкая распространенность этого типа орфографических систем в древнерусской письменности подтверждается данными исследований других рукописей¹. В частности, тот же набор позиций с меной $\text{ѣ} > \epsilon$ представлен во всех рукописях, специально исследованных на предмет этой особенности М. Г. Гальченко [2001: 61]. Обратная замена в системах этого типа ($\epsilon > \text{ѣ}$) наблюдается гораздо реже и напрямую связана с перечисленными категориями; часто это происходит в местоименных формах (типа тѣбѣ вместо тѣбе в РП и ВП), в основах, подвергшихся ассоциации со словами с неполногласным рѣ (древле , $\text{сребро} > \text{дрѣвле}$, срѣбро как дрѣво , срѣда), в существительных на -еник [Дурново 2000: 473–474].

Ко второму типу, встречающемуся намного реже, можно отнести те рукописи, где смешение букв ϵ и ѣ происходит чаще и не вписывается в рамки категорий, обозначенных Н. Н. Дурново. Из этого типа ранее всего в поле

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 16-34-00008).

¹ Ср., например, в декабрьской минее Тип. 96 первой пол. XII в. [Федорова 2015б: 380–381]; в списке Лествицы сер. XII в. [Попова 2013: 29], Златоструя XII в. [Караулова 1975: 80–81].

Георгий Анатольевич Мольков, Институт лингвистических исследований РАН

зрения исследователей попал список Служебной минеи на сентябрь — октябрь из собрания РНБ, Соф. 188, начала XII в. [СК: № 64], которому посвящена данная статья. При издании миней 1095–1096 гг. И. В. Ягич пользовался этой рукописью для восстановления лакун текста. Он обратил внимание на то, что в Соф. 188 наблюдается «полнейшее смешение ѣ с є» [Ягич 1889: 41]; приводимые им примеры (в основном с первых 30 листов рукописи) показывают, что мена букв в этой рукописи происходит в обоих направлениях. Аналогичная ситуация — двусторонняя мена є и ѣ в большом количестве примеров — наблюдается в списке Стихираря 1157 (?) г. (ГИМ, Син. 589), примеры из которого приводит А. И. Соболевский [1907: 69]. Кроме этих двух рукописей, Б. А. Успенский упоминает также второй почерк Типографского устава XI–XII вв. (собр. Третьяковской галереи, К-5349) в числе памятников письменности, в которых «широко смешиваются буквы ѣ и є» [Успенский 2002: 163]².

Первоначально факты, связанные со смешением є и ѣ, рассматривались как следствие их фонетической близости в древнерусском языке XI–XII вв. [Ягич 1889: 42; Соболевский 1907: 69]. Однако благодаря исследованиям А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, В. В. Виноградова и В. М. Живова была надежно установлена орфографическая природа этого явления. На настоящий момент факты с меной ѣ > є в определенных категориях форм получили убедительную интерпретацию. Согласно гипотезе, впервые предложенной А. А. Шахматовым, «в церковном чтении ѣ произносилось как е, и это неминуемо вело к смешению их на письме» [Шахматов 1915: 325]. В подтверждение этого тезиса большое количество фактологических данных собрал Н. Н. Дурново. По наблюдениям ученого, фонетическое основание для смешения є и ѣ можно предполагать для отдельных категорий. В связи с тем, что ѣ, по мнению Дурново, «звучало приблизительно как *je* или сложный звук, начинавшийся с артикуляции *i*» [Дурново 2000: 482], ѣ может передаваться через є в начальной позиции, после гласных и палатальных согласных, где противопоставление *je* / *je* нейтрализовалось.

Относительно других разрядов со смешением Н. Н. Дурново замечает, что словоформы, в которых часто допускается мена ѣ на є, отсутствовали в живом древнерусском языке. Написание є на месте ѣ связано, по его мнению, с тем, что чуждые языку писцов слова и словоформы усваивались в их оригинальном, южнославянском фонетическом виде, пропущенном через призму восточнославянской системы гласных. Дурново называет это явление «русским церковным произношением ѣ» [Там же: 480]³. Однако генезис этого произношения, как замечает В. М. Живов [2006: 191], может быть и не связан напрямую с акустическим восприятием болгарского звука, но опосредован орфографией.

² В. М. Живов приводит тот же перечень древнейших рукописей с частым смешением є и ѣ [Живов 2017: 725].

³ И. В. Ягич также пишет о «церковнославянском ѣ», который вошел в древнерусский язык «и как знак, и как звук» [Ягич 1889: 42].

В пользу этого говорит более частое написание с неэтимологическим гласным в тех случаях, когда в языке существовали соответствующие морфемы, различающиеся только звуками /ѣ/ — /е/. Такая ситуация наблюдается для существительных на **-ѣнник** [Обнорский 1924: 212; Дурново 2000: 478].

Кроме того, благоприятствующие условия для замены **ѣ** > **ѥ** существовали при написании рефлексов сочетания **tert*. И. В. Ягич высказал догадку о том, что русские писцы писали здесь **ѥ** «потому, что думали, что **прѣ** (так произносили они церковное **прѣ**) не что другое, как сокращение народной, полногласной формы **перѣ**» [Ягич 1889: 44]. Подробнее этот вопрос был рассмотрен В. М. Живовым, который обратил внимание на более раннюю и последовательную русификацию неполногласных сочетаний **рѣ** на фоне **лѣ**. В связи с тем, что книжному **рѣ** во всех случаях соответствовало древнерусское **єрѣ** (при отсутствии такой однозначной корреляции для неполногласного **лѣ**), замена **рѣ** > **єрѣ** могла регулироваться правилом: «пиши **ѣ** там, где в разговорном произношении слышится /ѣ/, пиши **ѥ** там, где в разговорном произношении слышится /е/» [Живов 2006: 194].

Представленная интерпретация относится только к орфографическим системам, в которых смещение **ѣ** и **ѥ** ограничено узким кругом написаний. В объяснении систем другого типа — с более широким, «полнейшим», как его охарактеризовал И. В. Ягич, смещением двух букв на письме — среди исследователей наблюдается некоторая неопределенность. На раннем этапе осмысления фактов подобного рода как фонетических Ягич связывал написание Соф. 188 с «отсутствием резкой звуковой разницы» между соответствующими звуками [Ягич 1889: 42]. Однако такое утверждение не находит поддержки в написаниях древнейших рукописей. По мнению В. В. Виноградова, существование в древнерусском языке говоров с монофтонгизацией **ѣ** в **ѥ**, по данным рукописей, возможно предполагать для периода «не ранее второй половины XII века» [Виноградов 1923: 244]. Предложенная орфографическая трактовка систем первого типа и тот факт, что «рукописи со смещением **ѣ** и **ѥ** известны уже с древнейшей эпохи и могут происходить из регионов, где фонемы /ѣ/ и /е/ не смешиваются ни в древнейший период, ни позднее» [Живов 2017: 724]⁴, показывают, что для частотного смещения этих букв в отдельных рукописях XI–XII вв. нужно искать другое объяснение.

Гипотеза, объясняющая широкое смещение **ѣ** и **ѥ** в разных позициях в ранней древнерусской письменности, была предложена Б. А. Успенским.

⁴ Ср. также графические «эффекты» ранних берестяных грамот (XI — первой половины XII в.), связанные со смещением **ѣ** и **ѥ**: по словам А. А. Зализняка, фонетический источник этого явления исключается в связи с дальнейшим фонетическим развитием **ѣ** внутри новгородского диалекта. Исследователь предполагает проникновение этой особенности в орфографию бытовых текстов из книжной письменности [Зализняк 1986: 108].

По его мнению, источником наблюдаемого явления могло быть расхождение между книжным и разговорным произношением слогов с **ѣ** и **ѣ̣**, при том что в книжном согласный перед **ѣ** произносился твердо, а перед **ѣ̣** — мягко [Успенский 2002: 164]. Это приводило к тому, что в книжном произношении слог **рѣ̣** звучал так же, как **рѣ** — в разговорном (т. е. /г'е/); это искусственное тождество, согласно гипотезе исследователя, создавало путаницу в написании в книжных текстах.

Отличие этого объяснения от гипотезы Шахматова — Дурново состоит в том, что специфическое для книжного языка произношение **ятя** связывается не с ограниченным кругом форм, отсутствовавших в разговорном языке, а признается потенциально возможным в любом слоге с **ѣ̣**. Основная же непоследовательность аргументации Б. А. Успенского состоит в том, что гипотеза, объясняющая написание рукописей типа Соф. 188 (с их перечня ученый начинает изложение), на факты самих этих рукописей не опирается. Б. А. Успенский апеллирует к данным других древнейших рукописей (Изборников 1073 и 1076 гг., Архангельского евангелия 1092 г., Минеи XII в. Син. 161, Ефремовской кормчей, кондакарей XII–XIII вв. и нек. др.), к литургическому произношению старообрядцев, даже к свидетельствам писателей XVIII в. [Там же: 172], но не приводит ни одной формы из Соф. 188 или Стихираря Син. 589, в которых анализируемое явление представлено наибольшим количеством примеров. Несколько форм, хотя не самых характерных, приводится только из Типографского устава [Там же: 166, 168], в одном из почерков которого представлено широкое смешение **ѣ̣** и **ѣ**.

Таким образом, высказанная Б. А. Успенским гипотеза опирается в основном на тот же древнерусский материал, что и исследование Н. Н. Дурново, и не учитывает показания орфографических систем с «полнейшим» смешением **ѣ̣** и **ѣ**. В настоящем исследовании попытка проинтерпретировать данные таких систем на примере одной из рукописей опирается на предварительный анализ всего объема данных, касающихся написаний двух букв в ее почерке.

При интерпретации фактов частого двустороннего смешения **ѣ̣** и **ѣ** в почерке начала XII в. следует обратить внимание на то, что такая система существует в письменности одновременно с типовыми заменами **ѣ̣** > **ѣ**; как будет показано ниже, в Соф. 188 присутствуют замены обоих типов. По этой причине, на наш взгляд, следует предполагать единый источник нарушения этимологического принципа записи **ѣ̣** и **ѣ** в рукописи: иначе пришлось бы предполагать, что один и тот же книжник в написании этих букв пользуется двумя (или более?) разными орфографическими принципами. При отсутствии описания этой системы преждевременно было бы говорить о «неразличении **ѣ̣** и **ѣ**» в ней, как это делает, например, В. М. Живов, и о необходимости вырабатывать «более сложный концептуальный аппарат» [Живов 2006: 180, сноска 1] для объяснения такой системы.

1. Представим количественные данные по употреблению букв **ѣ** и **ѥ** в Соф. 188. Рукопись содержит 251 лист формата 4° [СК: 105]⁵, основной текст, написанный одним почерком, расположен на л. 2–250 (более 500 000 графем). Для описания особенностей орфографии Соф. 188 была произведена сплошная выборка материала.

Общий объем неэтимологических написаний **ѣ** и **ѥ** на фоне их стандартной записи, а также соотносительный объем замен **ѣ** > **ѥ** и **ѥ** > **ѣ** в Соф. 188 показан в Таблице 1⁶. При подсчетах в таблице не учитывались такие позиции с заменой, обычные в древнерусской орфографии XI–XII вв., как **ре**, **ле** в неполногласных сочетаниях, замены в местоименных формах **тебе**, **себе** / **тебѣ**, **себѣ**, в основе **тѣлес-** и в существительных на **-еник/-ѣник**, в начале слова (в дальнейшем будем условно называть их типовыми позициями).

Таблица 1

Мена **ѣ** и **ѥ** в Соф. 188. Общие данные

Фонема	Кол-во	%	Буква	Кол-во	%
/ѣ/	7311	77,5	ѣ > ѥ	2093	22,5
/ѥ/	20551	97	ѥ > ѣ	625	3

Имеющиеся данные с аналогичными подсчетами для орфографических систем со смешением **ѣ** и **ѥ** по отдельным рукописям показывают большой отрыв написаний Соф. 188 от орфографии с типовыми заменами **ѣ** > **ѥ**. Как отмечалось выше, замена **ѥ** на **ѣ** в таких системах наблюдается в единичных случаях, составляющих доли процента от общего числа употреблений графемы. Замена **ѣ** > **ѥ** наблюдается только в объеме, сопоставимом с меной **ѥ** > **ѣ** в Соф. 188. По подсчетам С. А. Липовой, в Изборнике 1076 г.

⁵ Язык рукописи не имеет каких-либо ярких диалектных признаков. И. В. Ягич отмечает, что в Соф. 188, «несмотря на значительный объем ее, нет ни одного примера новгородского смешения **ц** с **ч**, напротив, в ней заметны кой-какие черты, напоминающие памятники южнорусские старого типа (XI—XII в.)» [Ягич 1889: 41]. Нами не отмечено каких-либо отклонений от древнейшей нормы в написании редуцированных гласных, что соответствует датировке рукописи началом XII в., предложенной Ягичем [1886: XXXIV] на основании преимущественно палеографических данных и отраженной в [СК].

⁶ В Соф. 188 достаточно много подновленного текста. Чаще всего начиная с 30-х листов подновлены нижние строки, однако отдельные листы с осыпавшимся текстом (примерно в середине рукописи) подновлены более темными чернилами в большей степени. В приводимых ниже подсчетах примеры из подновленного текста также учитываются — в тех случаях, когда реставратор следует орфографии изначального текста или когда орфография стандартизируется, но невооруженным глазом видно, что буква **ѥ** или **ѣ** написана поверх своего дублета.

«этимологически верно **ѣ** употребляется 2845 раз, исключительными оказываются менее 2,5% написаний» [Липовая 2007: 241–242].

Более точно позволяют сопоставить Соф. 188 с показаниями других рукописей данные М. Г. Гальченко. Исследовательница производила подсчеты также без учета типовых позиций с меной; среди рукописей XII в. наибольший процент написаний буквы **ѣ** вместо **ѣ** дали Добрилово евангелие 1164 г. (ок. 1%), Выголексинский сборник конца XII в. (2%) и Типографское евангелие конца XII в. (ок. 1%) [Гальченко 2001: 62]. Таким образом, орфографическая система Соф. 188 за рамками типовых позиций демонстрирует мену **ѣ** и **ѣ** примерно в 10 раз чаще, чем обычные системы, допускающие смешение двух букв.

В такой ситуации действительно возникает ощущение «полнейшей», относящейся уже к графическому уровню дублетности **ѣ** и **ѣ**. Именно этим общим количественным соотношением, видимо, руководствовались исследователи при оценке орфографии Соф. 188. Тем не менее уже заметное отставание **ѣ** > **ѣ** (3%) от **ѣ** > **ѣ** (22,5%) показывает, что дублеты неравноправны, и, кроме того, оно не соответствует распределению, ожидаемому в рамках объяснения причин смешения, предложенного Б. А. Успенским. Как пишет исследователь, при смешении книжного и разговорного чтения слогов с **ѣ** и **ѣ** «формы с **ѣ** могут записываться через **ѣ** (**сѣло**), а отсюда смешение может идти и дальше и формы с **ѣ** могут записываться через **ѣ** (**дело**)» [Успенский 2002: 169]. Это означает, что мена **ѣ** > **ѣ** должна встречаться чаще, чем **ѣ** > **ѣ**, как и обстоит дело в новгородско-псковских памятниках XIII в., изученных Н. М. Каринским, на исследование которого Б. А. Успенский ссылается непосредственно после процитированного утверждения. Однако в Соф. 188 ситуация противоположная; уже самая общая проверка (данные Таблицы 1) показывает, что происхождение нестандартной орфографической системы этой рукописи не может быть связано с правилами чтения слогов с **ѣ** и **ѣ**, реконструкция которых для XII в. сама по себе является сугубо гипотетической.

Детальное рассмотрение конкретных позиций, допускающих мену букв в Соф. 188, и их относительной частотности позволяет сделать предположение об источнике этого явления, связанном с закономерностями развития древнерусской орфографии старшего периода.

В связи с многочисленностью примеров с заменой букв в рукописи обобщим данные в виде таблицы, материал в которой дан в порядке убывания доли нестандартных написаний морфемы⁷. Для морфем с этимологическим **ѣ** это распределение выглядит следующим образом (курсивом выделены морфемы, суммарно представленные менее чем 10 примерами):

⁷ Морфемы рассматриваются более дифференцированно — по основам — в случае частотности основы (ср. **нѣтъ** в таблице).

Таблица 2

Мена **ѣ** > **ѣ** в Соф. 188 в отдельных морфемах

Морфема	ѣ		ѣ	
	кол-во	%	кол-во	%
(ѣ)прѣт-	14	100	—	
волѣзнь	59	89	7	11
вьсѣмъ	114	86	18	14
слѣд-	73	82	16	18
слѣп-	6	75	2	25
цѣвниц-	3	75	1	25
рѣш-	35	73	13	27
лѣй-/рѣй-	8	73	3	27
рѣз-	5	71	2	29
желѣз-	7	70	3	30
фл. И-В дв. ч.	46	65,5	24	34,5
фл. ДП ед. сущ.	128	63	74	37
цѣн-	5	62,5	3	37,5
хлѣб-	5	62,5	3	37,5
фл. -ѣмъ/-ѣмъ в мест.	5	62,5	3	37,5
грѣх-	105	62	64	38
тѣмъ (ТП)	212	62	131	38
гнѣв-	8	61,5	5	38,5
нѣнѣ	128	60	85	40
лѣн-	3	60	2	40
рѣт-	36	57	27	43
колѣв-	6	54,5	5	45,5
фл. МП ед. прил.	48	52	44	48
лѣп-	26	50	26	50
колѣн-	4	50	4	50
нѣстѣ	14	48	15	52
сѣнѣд-	6	46	7	54
фл. ДП ед. прил.	41	43,5	53	56,5
лѣстѣ-	3	43	4	57
крѣп-	76	43	101	57
цѣл-	70	43	93	57
(о)цѣст-	9	43	13	57
мѣн-	15	42	21	58
пърѣнѣц-	2	40	3	60
человѣк-	4	40	6	60
вьсѣхъ (Р-МП)	63	39	99	61
стрѣл-	6	37,5	10	62,5
рѣк-	11	37	19	63

Морфема	ѐ		ѣ	
	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%
тѣхъ	20	36	36	64
фл. МП сущ.	148	34	288	66
вѣскрѣс-	3	33	6	67
сверѣп-	1	33	2	67
бесѣд-	2	33	4	67
-ѣ(ва)ти	149	30,5	341	69,5
нареч. суф. -ѣ	82	29,5	195	70,5
аор. бѣ-	6	28,5	15	71,5
дѣл(ити)	6	26	17	74
-ѣн(ш)-	27	26	77	74
вѣт- / обѣт-	13	25,5	48	74,5
вѣньц-	38	23	126	77
сѣм(ен)-	6	23	20	77
бѣс-	16	22,5	55	77,5
звѣр-	10	22	36	78
дѣ- (в сущ. и глаг.)	7	21	26	79
мѣс-	2	20	8	80
лѣт-	7	19	30	81
дѣв-	2	18	9	82
фл. РП сущ.	3	17,5	14	82,5
бѣг-	7	17	34	83
тѣш-	2	16,5	10	83,5
невѣст-	11	15	63	85
вѣс-	2	13	13	87
мѣр-	3	12	22	88
вѣк-	8	9,5	76	90,5
сѣн-	2	9,5	19	90,5
сѣд-	3	9	29	91
вѣд-	33	8,5	353	91,5
сѣк-	5	7	64	93
вѣр-	43	6	623	94
сѣн-	1	5	18	95
бѣд-	14	5	265	95
звѣзда-	1	3,5	28	96,5
спѣх-	1	3	29	97
свѣт-	21	3	778	97
цвѣт-	1	3	36	97
дѣл(ати)	2	2,5	80	97,5
мѣст-	1	2	49	98
пѣ(ти)	4	0,5	916	99,5

Не учтены в Таблице 2 встретившиеся только в неэтимологическом написании редко употребляемые в рукописи морфемы/основы: **сѣтъѣ-жеахомъ** 9 (старославянское написание суффикса имперфекта **-ѣахъ** в рукописи более не встречается); **разгнѣще/нижъ** 11; **вълезъ** 103 об.; **се/тованиа** 104; **пазыкы немъ** 250.

Более редкие написания с обратной меной **ѣ > ѣ** представлены в Соф. 188 в следующих морфемах:

Таблица 3

Мена **ѣ > ѣ** в Соф. 188 в отдельных морфемах

Морфема	ѣ		ѣ	
	кол-во	%	кол-во	%
вѣсѣд-	15	79	4	21
пѣщер-	6	75	2	25
пѣк-	3	75	1	25
трѣпѣ(т/щ)-	5	71,5	2	28,5
пѣщ-	46	68,5	21	31,5
дѣсѣт-	2	66	1	34
вѣщ-	13	62	8	38
трапѣз-	8	57	6	43
дѣсн-	6	54,5	5	45,5
вѣтъх-	8	53	7	47
-ѣс- (в * <i>es</i> -основах)	136	49,5	139	50,5
пѣчат-	2	33	4	67
надѣж-	12	32,5	25	67,5
вѣд-	29	28	75	72
вѣл-	17	26	48	74
-ѣро (собр. числ.)	1	25	3	75
въсѣмь	2	25	6	75
одеж-	3	20	12	80
въждѣл(ѣти)	2	20	8	80
мѣч-	7	20	28	80
фл. ИП -ѣвѣ	2	18	9	82
тѣпл-	5	18	23	82
тѣк-	15	16,5	76	83,5
фл. ДП дв.ч.	1	14	6	86
мѣд-	1	14	6	86
стѣпен-	1	14	6	86
фл. аор. 2—3 ед.	38	12,5	262	87,5
фл. наст. вр. 2—3 ед.	14	10,5	117	89,5
фл. РП на *- <i>и</i> , *- <i>es</i>	19	9	200	91
пѣтр-	2	9	21	91
тѣб-/сѣб-	17	9	177	91

Морфема	€		ѣ	
	кол-во	%	кол-во	%
грѣв-	1	9	10	91
вьсе(гда)	19	7	260	93
фл. аор. на -сте (2 мн.)	10	6,5	142	93,5
нен/немь	2	6	31	94
прил. суф. -ев-	1	6	15	94
глагол. суф. -ева-	1	5,5	18	94,5
вєс- / вєз-	26	5	463	95
фл. ДП -евн	1	4,5	21	95,5
се	1	4	23	96
прич. суф. -ен-	29	3,5	784	96,5
рєвр-	1	3,5	27	96,5
вєсел-	5	3	159	97
-ен- (в * <i>en</i> -основах)	7	3	223	97
рек-	1	3	29	97
преж(д)є	2	2,5	77	97,5
фл. пов. накл. на -те	2	2	116	98
фл. Зват.ф.	23	< 1,5	> 1500	> 98,5
вел(ик)-	3	1	292	99
не-	3	0,2	1575	99,8

Не включены в Таблицу 3 те случаи, когда мена в морфеме встретилась по одному разу при отсутствии в Соф. 188 ее этимологических написаний: **вѣзлахоу** 31 об., **ѣвѣрѣтєса** 72 об., **дѣвѣльство** 218 об.⁸

Материал Таблиц 2 и 3 показывает, что взаимная замена букв **ѣ** и **€** в орфографии писца Соф. 188 — явление, имеющее центр и периферию. Центральную часть составляют морфемы (или основы), в которых нестандартное написание преобладает или является равноправным вариантом стандартного этимологического, периферию — отклонения от правильных для писца рукописи написаний, которые, вероятно, появились под воздействием орфограмм центральной части. Периферийные явления можно поставить в один ряд с единичными примерами смешения **€** и **ѣ** вне типовых позиций, которые встречаются почти во всех ранних рукописях (см. примеры — [Дурново 2000: 472–473]). Только они могут считаться проявлением не-

⁸ В двух последних примерах неэтимологическое написание может быть связано с антиципацией гласного следующего слога. Такой фактор, на наш взгляд, в системе написаний Соф. 188 может рассматриваться только применительно к морфемам с единичными заменами. В отличие от них, например, основа **вєсѣд-**, дающая максимальную долю неэтимологических написаний, по данным Таблицы 3, пишется в виде **вѣсѣд-** явно сознательно (т. к. этот вариант записи преобладает), а не вследствие невнимательности писца и антиципации **ѣ** в следующем слоге.

упорядоченности в использовании двух букв. Основная же масса написаний с заменой в Соф. 188 имеет осознанный орфографический характер.

2. Рассмотрим морфемы, где произведена замена **ѣ** > **ѥ**. В Таблице 2 представлено 26 морфем и основ, которые пишутся в нестандартном виде в половине случаев и чаще, при этом в большинстве из них (16 из 26) неэтимологическое **ѥ** пишется после **р** или **л**. В таких морфемах последовательность замены в почерке достигает максимальных показателей. За счет этого написания после **р** и **л** выделяются на фоне остальных общим соотношением неэтимологических написаний: в таких морфемах мена происходит в 529 позициях из 850, т. е. в 62% примеров (при 22,5% для **ѣ** > **ѥ** в целом). Видимо, в соседстве с буквами плавных согласных можно предполагать основной источник своеобразной орфографии писца.

Важно отметить, что этот фактор оказывается несущественным для мены **ѥ** > **ѣ**: в 20 первых морфемах Таблицы 3 (20% случаев с меной и больше) гласный стоит не после сонорных плавных. Встретившиеся замены на **ѣ** в морфемах после **р** (**грев-**, **ревр-**, **рек-**) единичны. Приведенный материал говорит о том, что в рамках самой частотной позиции с заменой — в морфемах после **р**, **л** — нет смещения букв **ѣ** и **ѥ**, их мена является однонаправленной (**ѣ** > **ѥ**).

Такой механизм очевидным образом связан с одной из типовых позиций замены **ѣ** на **ѥ** в ранней древнерусской орфографии, а именно с меной в неполногласных сочетаниях с **рѣ** и **лѣ**. Это подтверждается и функционированием данной орфограммы в составе **tert*, **telt* в Соф. 188: русификация таких морфем в рукописи проведена очень последовательно. Ряд основ писец рукописи пишет только через **ѥ**: **преж(д)ѥ** (79 раз), **врем-** (27), **мреж-** (5), **-мрети** (4), **чресл-** (4), **-жрети** (4), **стрег-** (3), **врещи** (2), **брем-** (2), **жреб-** (2), **чреп-** (2), **вретниц-** (1), **прек-** (1), **-врести** (1), **жребѣ** (1); **влек-/облек-** (22), **плен-** (9), **шлем-** (1). В меньшем количестве морфем с данным рефлексом возможна вариативность с преобладанием написаний через **ѥ** (см. Таблицу 4). Исключением на общем фоне является основа **плѣвел-** с написанием через **ѣ**, встретившаяся всего один раз.

Таким образом, вариативность в написаниях рефлексов **tert*, **telt* сопоставима с данными Таблицы 2: например, доля русифицированных написаний основы (**нѥ**)**брѣг-** совпадает с долей написаний через **ѥ** основы **волѣзн-**⁹; показатели для основы **срѣд-** аналогичны показателям для **рѣш-**, **рѣз-**.

⁹ Для орфографии писца Соф. 188 различие **р** / **л**, по всей видимости, нерелевантно, в отличие от основной массы древнейших почерков, где **рѣ** > **ре** происходит последовательнее, чем **лѣ** > **ле** [Дурново 2000: 480]; Соф. 188 объединяется по данному показателю с несколькими почерками XI—XII вв. — вторым почерком Архангельского евангелия 1092 г., Мстиславовым евангелием, первым почерком Устава студийского второй половины XII в. [Там же: 470]. С системой написаний Мстиславова евангелия имеется дополнительное сходство: здесь, как и в Соф. 188, замены **ѣ** > **ѥ** после **л** последовательнее, чем после **р** [Федорова 2015а: 165].

Таблица 4

Вариативное написание рефлексов **tert*, **telt* в Соф. 188

Морфема	трѣт		трет (терет)	
	кол-во	%	кол-во	%
чрѣв-	1	1	91 (11)	99
прѣ-	34	2	1553	98
прѣд-	4	3	120	97
трѣв-	2	5	37	95
врѣд-	2	6,5	29	93,5
млѣк-	1	10	9	90
(не)врѣг-	1	11	8	89
дрѣв-	14	17,5	66	82,5
срѣд-	12	29	27 (2)	71

Орфографическое влияние написаний **tert*, **telt* на отдельные морфемы с **рѣ/лѣ** (с этимологическими *rě*, *lě*) отмечалось исследователями в некоторых рукописях XI–XII вв. По данным Н. Н. Дурново, в четырех памятниках «**ѣ** вместо **ѣ** встречается более или менее часто в основе **оврѣт-**» [Дурново 2000: 472]. В Соф. 188 эта основа также чаще (58%) пишется через **ѣ**. В более поздней рукописи — Евангелии Верковича к. XIII в. — по данным М. Г. Гальченко, «подавляющее большинство написаний после **р**» с заменой **ѣ** > **ѣ** приходится на корни **грѣх-**, **оврѣт-** и основу **зѣрѣ-** [Гальченко 2001: 66].

В орфографии изучаемой рукописи аналогия с написаниями **tert*, **telt* доведена до предела: любой слог **рѣ/лѣ** становится объектом внимания и подлежит перекодировке. Если в стандартной ранней орфографии «в словах, известных живому русскому языку, писцы сочетаний **ре** и **рѣ** не смешивали» [Дурново 2000: 481], то писец Соф. 188 использовал операцию **рѣ** > **ре**, не учитывая каких-либо ограничений. При таком подходе действует простой принцип: **ре**, **ле** правильное, чем **рѣ**, **лѣ**. Тот факт, что в этимологических **tert*, **telt* этот принцип реализован полнее (ср. 100% **ре**, **ле** для значительной части таких морфем), связан с написаниями антиграфа: в рукописи, с которой переписывалась Соф. 188, видимо, болгарские написания **tert*, **telt* уже частично были заменены на русские (т. е. рукопись была древнерусского извода). При повторной правке такой орфографии (исходя из описанного принципа) болгаризмов в области **tert*, **telt* осталось совсем мало.

Кроме рассмотренных морфем, действием сформулированного принципа (**ре**, **ле** правильное, чем **рѣ**, **лѣ**) можно объяснить также большинство написаний с меной в глаголах на **-ѣ(ва)ти** — в 115 из 149 примеров перед устаревшим **ѣ** находится **р** или **л** (**оузѣревѣ** 13 об., 103 об., **въждеlestа** 16 об., **повѣлевакѣ** 19 об., **повеленюк** 38, **дшѣтьленънън** 69, **Зазѣревѣ** 75, **нетѣленънън** 76 об., **нетѣлкннюу** 77 об., **въждѣлевѣ** 78, **Презѣре** 97 об., **зѣрѣти** 98 об., 99 об., 117 об., 227 и др.); часто неэтимологическое **ѣ** пишется

в словоформе ДП ед. **силѣ** (10 об., 15 об. (ter), 16, 43, 50 об., 75 об., 93, 112 об., 113 об., 127 об. (bis), 130 об., 142 (bis), 145 об., 148 об. (bis), 154, 157 об. (bis), 170 (ter), 185, 196 об. (bis), 202 об., 208, 226, 231 об., 237 об., 239 об., 240); реже после плавных происходит замена и в других суффиксах или окончаниях (**на колѣхъ** 31 об., **въ мирѣ** 160, 182, 189 об., 209 об., 215, 218, 237, 247, 250, **вѣсѣвѣтълен** 170 об., **премоудрек** 149 и др.).

Однако с действием указанного принципа может быть ассоциирована только часть примеров замены **ѣ** на **ѣ**, представленных в Таблице 2. В сумме все эти примеры составляют лишь около трети от всего объема написаний с меной **ѣ** > **ѣ** в рукописи. Частотные замены в Соф. 188 наблюдаются и в позициях, никак не связанных со слогами **рѣ/лѣ**.

Для интерпретации остальной массы нестандартных написаний следует обратить внимание на то, что позиция **tert*, **telt* — лишь одна из нескольких типовых, провоцировавших **ѣ** вместо **ѣ** на русской почве. Если она могла дать такой большой резонанс в орфографической системе, то и остальные позиции у писца, внимание которого явно направлено на написания **ѣ**, **ѣ**, имевшиеся в антиграфе, должны были иметь сходные побочные эффекты — амплификацию принципа, лежащего в основе типовой замены. Рассмотренные выше написания после **р**, **л** показывают, что орфография Соф. 188 выстраивается в отрыве от произношения соответствующих форм. Такие слова, как **слѣдъ**, **грѣхъ**, не должны были вызывать у древнерусского писца сложностей с произнесением, но тем не менее записывались им в виде **слѣдъ**, **грѣхъ**, т. е. вопреки звучанию¹⁰. По-видимому, замена «нежелательного» **рѣ** на «более правильное» **рѣ** в данном случае — явление исключительно письменного текста. Этот важный момент необходимо учитывать и при анализе остальной массы неэтимологических написаний в рукописи.

3. Общей предпосылкой возникновения типовых замен, в интерпретации Н. Н. Дурново, являлся момент соотнесения двух форм — одной с **ѣ**, а другой с **ѣ** (**прѣ-/перѣ-**, **тѣл-/телѣс-**, **тѣвѣ-/тѣвѣ**, **-ѣтѣ/-ѣтѣ**, **-ѣник/-ѣник**, **-ѣль/-ѣль**). Если абсолютизировать этот принцип (как писец Соф. 188 поступил с заменой **рѣ**, **лѣ** > **рѣ**, **лѣ**), можно получить следующее орфографическое правило: делать замену буквы следует в тех случаях, когда есть соотносимые формы/морфемы/основы, различающиеся буквами **ѣ** и **ѣ**. Применительно к описанной выше ситуации (**ѣ** > **ѣ** заметно более частое, чем **ѣ** > **ѣ**) по этому правилу писец в большинстве случаев в написании с этимологическим **ѣ** меняет его на **ѣ**, если есть соотносимое написание с этимологическим **ѣ**. Среди написаний с заменой, приводимых в Таблицах 2 и 3,

¹⁰ Это показывает, что объяснительные модели, предлагаемые Б. А. Успенским и В. М. Живовым, к системе написаний Соф. 188 неприменимы, т. к. важный их компонент — опора писцов на тот или иной вариант произношения определенных языковых единиц.

в соответствии с этим правилом выделяются несколько групп, сформированных вокруг определенного элемента.

Писец Соф. 188 явно расценивает написание местоименной формы мн. ч. **въсѣмъ** как неправильное (несмотря на то, что произносит ее как /въсѣтъ/): в 86% случаев (114 раз) он пишет ДП мн. ч. в виде **въсемъ**. Это нестандартное написание наиболее частотно из числа не связанных со слогами **рѣ** / **лѣ**. Менее часто, но тоже в заметном количестве примеров через **ѣ** записываются и другие формы местоимения **въсь**: в 39% случаев формы Р-МП мн. ч. (**въсѣхъ**, 63 раза) и 6 из 8 встретившихся форм ТП ед. (**въсемъ**). Замена **ѣ** > **ѣ** здесь связана с тем, что в парадигме этого местоимения часть форм начинается на **въсѣ-**, а часть — на **въсѣ-**¹¹, т. е. данная корреляция организована на основе той же оппозиции букв, что и связанные с типовыми заменами. Обратная операция (**ѣ** > **ѣ**) наблюдается в рамках этой пары заметно реже (7% случаев), и почти только (за исключением **въсѣи** 136) в дериватах с первой частью **въсѣ-** (15 из 19 форм приходятся на наречие **въсѣгда**; кроме него: **въсѣчьсѣ** 56 об., **въсѣдѣтел** 64 об., 241 об.).

Неэтимологические написания в рассмотренном местоимении связаны с еще одной оппозицией — элементов **-ѣм/-ѣм** и **-ѣх/-ѣх**, различающихся буквами **ѣ** и **ѣ**. Эта корреляция могла быть поддержана соотносением флексий местоименной парадигмы и именных. Для **-ѣм-** соответствие имелось в совпадающих в южно- и восточнославянском ареалах именных флексиях ДП мн. **jo*-склонения, а также в южнославянской флексии ТП ед. той же парадигмы; но кроме этого, оба написания (и **-ѣм-**, и **-ѣх-**) имели параллель с **ѣ** в именных окончаниях других склонений в их болгарской огласовке с прояснением редуцированных — такие окончания, заимствованные через письменную норму, были известны на Руси в эпоху до падения редуцированных. Такие именные окончания используются в некоторых древнерусских рукописях XI в. Ср. в Чудовской псалтыри: **звѣремъ** — 4 раза; **бранемъ** 85а, **дѣтемъ** 134а, **клѣтемъ** 138а, **людемъ** 148г и др.; МП мн. — **гжслехъ** 16г, **страстехъ** 111б, 112а, **тѣлесехъ** 75а, **невесехъ** (**нѣсехъ**) — 4 раза, **словесехъ** — 4 раза [Обнорский 1912: 347]; в Толстовской псалтыри (РНБ, Ф.п.I.23), по нашим наблюдениям: **людемъ** 17 об., 31, 75, 81, 105, 115, 123 об., 130 об., 141 об., 156, 173 об., 177 (bis), 194 (bis), 195 об., 196 об., 208 об., 255 об.; **лѣтемъ** 56, **вавилонанемъ** 68 и др.; **на нѣсехъ** 16, 18 об., 25 об., **о людехъ** 35, **въ гоуслехъ** 39, **въ бранехъ** 42 и мн. др. При таком соотношении замены **-ѣм-** > **-ѣм-**, **-ѣх-** > **-ѣх-** получали дополнительную мотивировку: исходные элементы воспринимались как немаркированные, а варианты с **ѣ** как специфически книжные. Это в совокупности с основным принципом (менять **ѣ** на **ѣ** в соотносимых элементах) могло

¹¹ Характерно, что в Милятином евангелии, написанном, как и Соф. 188, в первой половине XII в., писец Домка также обращает внимание на корреляцию форм **въсѣ-/въсѣ-** и выстраивает на этой основе орфографическую дистрибуцию вариантов **въсѣ-/въсѣ-** [Мольков 2015: 716].

вызвать активность замен в Соф. 188; таким образом, замена **вѣсѣмъ** > **вѣсемъ** проводилась сразу по двум соображениям, буква **ѣ** оказывалась на стыке двух корреляций — **вѣсѣ** / **вѣсе** и флексивных **-ѣм** / **-ѣм**.

Замены коррелятивных элементов флексии (**-ѣм** > **-ѣм** и **-ѣх** > **-ѣх**) используются в Соф. 188 и за пределами парадигмы местоимения **вѣсѣ** с сохранением их относительной частотности — а именно при написании форм указательного местоимения **тѣ**. В большинстве примеров форма ТП ед. (62%, 212 раз) записывается как **тѣмъ**; менее половины форм Р-МП мн. (36%, 20 раз) этого местоимения также пишется через **ѣ** — **тѣхъ**. Реже в рукописи употребляются соответствующие формы других местоимений, но и для них выдерживается преимущественное использование нестандартной орфограммы; 5 из 8 таких форм пишутся через **ѣ**: **инѣмъ** 3, **ѣдинѣмъ** 13, 54, 189, **онѣмъ** 244.

За пределами местоимений тот же принцип действует в членных формах прилагательных. В общей сложности в 59 формах (47% случаев) мена **ѣ** > **ѣ** происходит в МП ед. муж. рода в сочетании **-ѣм** (**сѣмьртнѣмъ** 54, **разоумнѣмъ** 58 об.¹², **мрачнѣмъ** 104 об., 129 об., **вѣсѣмьртнѣмъ** 107 об., **неправдѣмьртнѣмъ** 108 и др.) и во флексии Д-МП ед. жен. рода **-ѣи**¹³ (**сѣмьртнѣи** 31 об., **отрочѣи** 42, **пресвѣтълѣи** 51, **грѣховнѣи** (!) 99, **црѣкѣи** 100 об. и др.); аналогичные замены в 5 случаях произведены в формах дв. ч. (**вѣсѣсѣрдѣи** 53 об., **прѣсѣи** 82, **врачѣсѣи** 138, **сѣрдѣи** 203 об., **чѣстѣи** 232 об.).

Вероятно, в орфографическом плане к этой группе написаний можно отнести и замену **-ѣх** > **-ѣх** в МП существительных (11 из 148 примеров, указанных в соответствующей строке Таблицы 2).

Следующий элемент, привлекавший внимание оппозицией **ѣ** / **ѣ**, — конечная буква словоформы, составляющая отдельную морфему. Такое общее обозначение необходимо, поскольку в Соф. 188, как показывают Таблицы 2 и 3, мене подвержена фактически любая финальная морфема в слове, план выражения которой состоит из **ѣ** или **ѣ**. Описываемая ситуация характерна, во-первых, для окончаний существительных (**ѣ**: Д-МП ед., И-В дв. / **ѣ**: Зват. ф., РП ед. склонения на согласный и **ѣ**, ИП мн. ***ѣ**-склонения)¹⁴ и ряда кратких форм прилагательных (Д-МП ед., И-В дв., Зват. ф.); во-вторых, для суффикса наречий (**ѣвѣ** / **прежде**). В общей сложности в Соф. 188 мене подвержено 576 подобных позиций, причем мена **ѣ** > **ѣ** ожидаемо происходит намного чаще, чем обратная замена. В рамках жемены **ѣ** > **ѣ** доля нестандартных написаний выглядит однородно, независи-

¹² Использование графемы **ѣ** наряду с **ѣ** для замены **ѣ** подробнее рассматривается далее, в п. 6.

¹³ Орфограмма **-ѣи** вместо **-ѣи** организована по тому же принципу, что и пара **-ѣм** / **-ѣм**: на основе соотносимых этимологических флексий **-ѣи** и **-ѣи**.

¹⁴ Ср. среди типовых замен орфографическое смешение разных падежных форм **тѣе** / **тѣѣ**, **сѣе** / **сѣѣ**.

мо от типа морфемы, хотя во флексиях имен наблюдается несколько бóльшая последовательность (44,5%), чем в суффиксах наречий (43%).

Наибольшей последовательностью в использовании нестандартной записи среди имен, как можно видеть из Таблицы 2, отличаются формы дв. ч. (65,5%) и ДП ед. (63%). Среди наречий выделяется представленное отдельной строкой в Таблице 2 наречие **нѣнѣ** (60% написаний с **ѣ**)¹⁵. Именно в этих трех разрядах с меной **ѣ** > **ѣ** неэтимологические написания были поддержаны фонетически (см. рассмотрение этого вопроса ниже, п. 6).

В ту же корреляцию, связанную с конечной морфемой, менее активно вступали глагольные аористные формы. В глагольной парадигме флексивный **ѣ** встречается только в формах 1 л. дв. ч., поэтому по отношению к написаниям глагольных форм антиграфа писец Соф. 188 имел возможность править орфографию в основном в направлении **ѣ** > **ѣ** (частотные аористные формы 2—3 ед. на **-ѣ** и формы 2 мн. на **-стѣ**), которое для него менее актуально, чем **ѣ** > **ѣ**. Как видно из Таблицы 3, такая правка проходила в 12,5% и 6,5% случаев соответственно, что сопоставимо с меной **ѣ** > **ѣ** в именной флексии РП ед. склонений на согласный (9%).

Все рассматривавшиеся до сих пор группы примеров были связаны преимущественно с односторонней заменой **ѣ** > **ѣ**. В совокупности (в слогах с **р**, **л**, в окончаниях местоимений и имен) такая правка проведена в 1658 примерах; это составляет более ¾ всех неэтимологических **ѣ** вне типовых позиций в Соф. 188, что говорит о первостепенной роли для орфографии **ѣ/ѣ** принципа замещения этимологического **ѣ** буквой **ѣ** при возможности установить описанные корреляции.

4. Однако среди типовых позиций смешения двух букв есть и такие, в которых замена может производиться в обе стороны (хотя также с преобладанием **ѣ** > **ѣ** над **ѣ** > **ѣ**). К случаям неэтимологического **ѣ** в пределах типовых позиций относятся написания **тѣѣѣ** в Р-ВП, **-ѣниѣ** на месте **-ѣниѣ**, **-ѣль** вместо этимологического **-ѣль** [Дурново 2000: 471–472]. За пределами частотных позиций — слогов с плавными сонорными и флексивных написаний — в Соф. 188 наблюдаются более локальные пары квазиомонимов. Среди них мена **ѣ** > **ѣ** более распространена (наряду с **ѣ** > **ѣ**), чем в описанных выше группах.

Чаще всего с **ѣ** на месте **ѣ** (79% случаев) в Соф. 188 пишется основа **-ѣѣѣѣ** (в виде **-ѣѣѣѣѣ**). Кроме того, достаточно часто (26 примеров) через **ѣ** пишется частотная приставочная морфема **ѣѣѣ/ѣѣѣ**. С ними соотносится элемент с этимологическим **ѣ** — корневая морфема **ѣѣѣ**, в которой в 22,5% случаев (16 раз) также наблюдается мена буквы гласного¹⁶. Хотя

¹⁵ Похожая орфография наречия **нѣнѣ** наблюдается в списке Златоструя XII в., где неэтимологическое написание **нѣнѣ** использовано 38 раз при всего 4 написаниях **нѣнѣ** и 10 — **нѣнѣ** [Караулова 1975: 82].

¹⁶ М. Г. Гальченко также отмечает «особую частоту» неэтимологических написаний корня **ѣѣѣ** [Гальченко 2001: 68].

¹⁸ Можно обратить внимание, что в формах **камѣни**, **стѣпѣни** есть последовательность **-ѣни-**, это визуально сближает их с типовыми заменами в словах на **-ѣник**. Аналогичное взаимовлияние предполагает М. Г. Гальченко для написаний с **ѣ** вместо **ѣ** в глагольной основе **заматѣре-** в трех изученных евангельских списках: они могут быть связаны с «орфограммой **мѣтере**» [Гальченко 2001: 69].

ность букв **-ѣн-** корня **мѣн-**. Чтобы показать выделенность этой морфемы на фоне рядоположенных элементов, приведем в отдельной таблице данные по нескольким корням, начинающимся с **мѣн-**.

Таблица 5

Замена **ѣ** > **е** в корнях на **мѣн-**

Морфема	е кол-во	%	ѣ кол-во	%
мѣн-	15	42	21	58
мѣст-	1	2	49	98
мѣс-	2	20	8	80
мѣр-	3	12	22	88

Ассоциация корня **мѣн-** и последовательности **-ѣн-** в суффиксальной части на первый взгляд неочевидна, но на примере конкретных словоформ просматривается, ср.: **неизмѣнѣнъ** 40 об. как **нетѣленѣнъ** 55 об.

Реже (в 23% случаев, 38 раз) аналогичная замена наблюдается в последовательности **-ѣн-** в составе основы **вѣнѣц-**. В этом случае уже трудно подобрать какое-то дополнительное основание для сближения с суффиксальным **-ѣн-**, кроме самой последовательности этих букв. Тем не менее среди корней, начинающихся на **вѣн-**, основа **вѣнѣц-** занимает место, аналогичное положению **мѣн-** среди корней на **мѣн-**.

Таблица 6

Замена **ѣ** > **е** в корнях на **вѣн-**

Морфема	е кол-во	%	ѣ кол-во	%
вѣнѣц-	38	23	126	77
вѣр-	43	6	623	94
вѣд-	33	8,5	353	91,5
вѣс-	2	13	13	87
вѣк-	8	9,5	76	90,5

Ситуация со смешением **-ѣн-/е-н-** хорошо показывает природу рассматриваемого явления. Аналогично операции **рѣ, лѣ** > **ре, ле**, полностью отошедшей в сознании правящего орфографию писца Соф. 188 от корней с группой **tert/*telt*, мена **-ѣн-** > **-е-н-** (реже обратная) отрывается от причастий и начинает применяться как орфографический штамп в содержащих ее основах прилагательных и в отдельных корнях. За пределами обозначенного круга замена буквы гласного перед **н** не используется и редкие исключения можно рассматривать как ошибки против принятого принципа. Так, в других корнях, имеющих последовательность **-ѣн-**, замены единичны

(см. **сѣн-**, **стѣн-** в Таблице 2), а, например, к слову **пѣнник** операция **ѣн > ен** совсем не применяется. Мену **ѣ > е** в корнях, начинающихся на **мѣ-** (см. Таблицу 5), можно отнести к орфографическим ошибкам, допущенным под влиянием корня **мѣн-**.

Более частые мены вне **-ѣн-** в корнях, начинающихся на **в** (например, 43 раза **вер-** вместо **вѣр-**¹⁹), также в строгом смысле являются ошибками против принятых правил замены, за которыми писцу в данном случае было труднее уследить в связи со сложностями системы, описанными в следующем разделе.

Таким образом, отношения элементов, заключающих орфограмму **-ѣн-/ѥн-**, оказываются двухступенчатыми. Ее формирование происходит в связи с наличием отделенных морфемными швами элементов, а на следующем этапе в сферу ее действия втягиваются и те морфемы, которые имеют последовательность **-ѣн-** в своем составе. «Орфографическое мышление» (по выражению А. А. Зализняка²⁰) писца выделяет основы **мѣн-** и **вѣнц-** на фоне других, начинающихся на тот же слог, и устанавливает их связь с морфемами, послужившими отправной точкой для появления орфограммы.

5. Следует обратить внимание, что последняя рассмотренная пара квазиомонимов, как и наиболее частая позиция с меной в Соф. 188 после сонорных и мены, связанные с корреляциями в составе флексий (**-ѣм-**, **-ѣх-**), — это двубуквенная последовательность. Если для пар **вѣс-/вѥс-**, **вѣд-/вѥд-** ассоциация, которую имел в виду писец, достаточно очевидна, то для двубуквенной последовательности из-за ее краткости в некоторых случаях достаточно трудно уловить ход мысли, приведший к соотносению двух элементов. Например, для корня **мѣн-** обнаруживается ассоциация с другими последовательностями **-ѣн-** только через параллель конкретных форм: **нѣзмѣнѣнѣ/нѣтълѣнѣнѣ**.

Для нескольких буквенных последовательностей, несомненно имеющих для писца Соф. 188 статус орфографических клише, сложно однозначно установить ход мысли, придавший им орфографический статус. Таких примеров можно выделить два, при этом в обоих случаях используется менее активное направление мены между **ѣ** и **ѥ** — **ѥ > ѣ** (ср. бóльшую активность такой мены и в парах **вѣс-/вѥс-**, **вѣд-/вѥд-**).

Яркой особенностью орфографии изучаемой рукописи является одинаково допустимое написание с **ѥ** и с **ѣ** форманта **-ѥс-** в основах существительных (и производных от них), генетически принадлежавших типу склонения на ***-es-**. Как можно видеть из Таблицы 3, эта частотная в тексте минее позиция 139 раз пишется в исконном виде, а 136 раз (49,5%) — с заменой на **ѣ**: **бѣсловѣствѣиѣ** 5 об., **чюдѣсь** 8 об., 17 об., 20 об., 28 об.,

¹⁹ Ср. с «повышенной частотой» замен **вѣр-** > **вер-** в материалах М. Г. Гальченко [2001: 69].

²⁰ См. [Зализняк 1986: 96].

29, 30 об., 36 об., 64 об., 83 об., 85, 90 об., 91 об., 95 об., 101, 108 об., 110, 113, 122 об., 124, 125, 157 об., 165, 167, 194 об., 201, 216, 218 об., 219 об. (bis), 220, 249, **чюдѣса** 9 об., 27 об., 28 об., 95 об., 96, 162 об., 176 об., 180 об., 221, 248, **бесловѣсик** 29, **словѣсъ** 29, 31 об., 58 об., 95 об. (bis), 105 об., 139 об., 140, 148, 149 об., 166, 182 об., 183, 196 об., 197 об., 200 об., 209, 220, 228, 235, 238, **чюдѣсьмь** (ДП) 38 об., 230 об., **оудѣсъ** 53 об., **словѣса** 76 об., 90, 149, 212, 228 об., 238, 248 об., **къ колѣсѣмъ** (!) 77 об., **въ чюдѣсьхъ** 83 об. и мн. др.

Сложность в интерпретации этой особенности заключается в том, что для сочетания **-ес-** не находится квазиомонима **-ѣс-**. Среди рассмотренных ранее написаний можно учесть факт корреляции в паре **ѣс-**/**вѣс-** (где **ѣ** > **ѣ** чаще, чем **ѣ** > **ѣ**). С учетом упомянутого влияния **-ѣн-** на **мѣн-**, **вѣн-** такое воздействие не исключено, т. к. подчиняется той же логике²¹.

Дополнительно писец мог обратить внимание на морфологический фактор: замена **-ен-** > **-ѣн-** проводилась в существительных на ***-en-**, и в другом подтипе склонения на согласный он решил поступать аналогичным образом. Но по частотности мены в существительных на ***-en-** и на ***-es-** сильно отличаются, и исключительно этой параллелью рассматриваемое явление объяснить нельзя.

Однако в системе написаний **ѣ** / **ѣ** в Соф. 188 с данной особенностью коррелирует еще один факт: замена перед **с**, обычная для основ **словес-**, **чюдес-**, **оудес-**, ни разу не используется в частотной основе **тѣлес-** (встретилась 57 раз)²². Можно предположить, что специфическая для писца орфограмма соотносится с еще одной из типовых позиций смешения **ѣ/ѣ**. Типовая замена **ѣ** > **ѣ** в **тѣлес-**, противопоставленная сохранению **ѣ** в **тѣла-** с усечением **-es**, свойственна орфографии писца Соф. 188:

Таблица 7

Написание **тѣла-** / **тѣлес-** в Соф. 188

	ѣ (кол-во)	%	ѣ (кол-во)	%
тѣлес	10	17,5	47	82,5
тѣла-	73	94	5	6

²¹ В связи с этим обращают на себя внимание частотные (больше половины употреблений) замены **ѣ** > **ѣ** в основах **десѣт-**, **десн-**, также содержащих последовательность **-ес-** (см. Таблицу 3). Ассоциацию со словами исконного ***es-**склонения здесь позволяет предполагать тот факт, что в других лексемах, содержащих слог **дѣ**, писец Соф. 188 может безупречно следовать этимологии. Так, словоформа **ндеже** в памятнике пишется 36 раз — и только в таком виде.

²² Отметим, что этот факт лишний раз свидетельствует об упорядоченности взаимозамен **ѣ** и **ѣ** в рукописи: писец не просто меняет любое **-ес-** на **-ѣс-**, но сознательно обозначает сферу, где эту замену можно произвести (основа **тѣлес-** в эту сферу не входит).

Ход мысли писца можно восстановить только гипотетически. Например, он мог решить, что в основах на **-es-* в принципе надо производить замену²³. В **тѣлес-** он в соответствии с общей практикой заменял **ѣ** на **ѣ**, а в других словах с тем же формантом ему приходилось делать обратное, т. к. буквы **ѣ** в их составе не было.

Возможно, все перечисленные факторы, заключенные в орфографической системе писца, в совокупности привели к равноправности написаний типа **словес-** и **словѣс-** в рукописи.

Второе орфографическое клише организовано по принципу квазиомонимов, но в его сферу действия включается достаточно большое количество лексем, из-за чего эта группа написаний сложно организована, имеет центральную часть и периферию.

Центром этой группы являются корень с чередованием согласных **-вѣт/-вѣщ-**, с одной стороны, и корни **-вет-**, **-вещ-** — с другой. При внимании писца к морфемам, различающимся буквами **ѣ/ѣ**, эти сочетания представляют трудность, т. к. варианты с **ѣ** могут относиться к омофоничным корневым морфемам. В качестве отправной точки можно взять написания корня **(ов)вѣт/(щ)**-, который в четверти примеров пишется с заменой **ѣ > ѣ**: **отъ овещания** 44, **овещания** 45 об., **овещаникъ** 47, **вещакши** 103, **вещаник** 117, 142 об., 243 об., 247 об., 248, **ветинскими** 148 об., **бѣвещаний** 148 об., **бѣвещатель** 148 об., **вещаний** 218 об. Его квазиомоним — корень **вещ-** — пишется с противоположной заменой в 62% случаев: **вѣщи** 20 об., 164, 180, 193 об., **вѣщъствыньмъ** 56, **вѣщъ** 95 об. (bis), 166 об., **невѣщъствыньмъ** 169 об., **въ вѣщи** 178 об., **вѣщъми** 180, **вѣщъствыньмъ** 180 об., **вѣщии** 200 об. При наличии у ятевого корня варианта с конечной **т** его квазиомонимом одновременно служит и корень, содержащий этимологическую последовательность **вет-**; морфема **ветъхъ** в 53% примеров пишется через **ѣ**: **вѣтъхааго** 23, 119 об., 165, 180 об., **вѣтъсе** 52, **вѣтъхъмъ** (!) 127 об., **вѣтъхоу** 220 об., **вѣтъха** 232. Как и в рассмотренных выше парах квазиомонимов **вѣс-/вѣс-**, **вѣд-/вѣд-**, замены на **ѣ** оказываются активнее противоположных.

Периферию со стороны ятевых морфем составляет корень с тем же чередованием, допускающий замену, — **свѣт-/свѣщ-**. Обе модификации этого корня используются в тексте минеи достаточно активно, но через **ѣ** может писаться только вариант **свѣт-** (21 раз, 3%); вариант **свѣщ-** все 193 раза пишется этимологически²⁴.

²³ «Основа **тѣлес-** живому русскому языку не была известна» [Дурново 2000: 476], и другие основы с основой **es-* склонения также «были чужды живой восточнославянской речи» [ИГДРЯ I: 133], воспринимались как книжные и в связи с этим подлежащие перекодировке.

²⁴ Представленные в Таблице 6 корни, начинающиеся на **вѣ-**, видимо, под влиянием квазиомонимов **вѣд-/вѣд-**, **вѣт-/вет-** также дают небольшой процент замен **ѣ > ѣ**.

Со стороны морфем с этимологическим /е/ центральная часть этой группы оказывается поддержана сильнее за счет формирования орфографического клише на основе пары **-ѣщ/-вещ-**. По данным Таблицы 3, заметно выделяется по частотности целая группа морфем, имеющих этимологическое **-ещ-** в составе: **пещ-, пещер-, трепещ-** (с вариантом **трепет-**). В них замена на **ѣ** происходит даже последовательнее, чем в корне **вещ-**. Из них особенно показательно благодаря частотности написание слова **пещь**: в нестандартном виде оно пишется 46 раз (68,5% примеров).

В свою очередь между корнями **пещ-, пещер-, трепещ-** и некоторыми другими корнями, содержащими **пе-**, устанавливаются такие же отношения, как между **ѣд-, ѣт-** и другими корнями на **ѣ**. Замены **е > ѣ** наблюдаются в основе **трапез-** (57% примеров, 8 раз из 14) и **пек(ч)-** (3 раза из 4), хотя полностью отсутствуют, в частности, в основе **печал-** (18 примеров)²⁵.

6. Последний разряд неэтимологических написаний в Соф. 188, представленный значительным количеством примеров, соотносится с еще одной типовой позицией мены — позицией нейтрализации звуков, передававшихся графемами **ѣ** и **е**. Словоформы с начальным **ѣ** в тексте минеи не встретились, но замена **ѣ > е** после палатальных, как видно из Таблицы 2, в основах с сочетанием /tʲǝ/ (**цѣвн-, цѣн-, цѣл-, цѣст-, гнѣв-**²⁶, **нѣнѣ**²⁷)

²⁵ На связи нестандартной орфографии слов **пещь** и **трапеза**, **печать** настаивать нельзя, т. к. ассоциативный ряд по отношению к центральной паре **ѣщ-/вещ-** получается слишком длинным. Возможно, причина, по которой писец Соф. 188 чаще пишет **трапѣза**, чем **трапеза**, связана с другой (но также неочевидной) параллелью.

²⁶ О палатальности /п/ в этой основе см. [Васильев 1913: 72–73; Голышенко 1987: 60; Федорова 2015а: 166–167]; ср. также примеры с меной, аналогичные Соф. 188: [Дурново 2000: 482].

²⁷ Палатальность /п/ в слове **нѣнѣ**, как и в основах типа **гнѣв-**, неэтимологическая [Vaillant 1958: 698]. Выше (в п. 3) данное наречие уже рассматривалось в связи с меной букв в суффиксе наречий. Однако на фоне других наречных форм с неэтимологическим написанием суффикса **нѣнѣ** выделяется орфографически, что, видимо, говорит о формировании орфографии данного наречия под влиянием дополнительного (фонетического) фактора. Замена **ѣ** в форме **нѣнѣ** в Соф. 188 происходит с показательным соотношением графем **к** и **е**. Если в написаниях, рассмотренных в пп. 2–5, буква **к** использовалась sporadически, то написание **нѣнѣ** является основным для данного наречия в памятнике (115 раз, при том что запись **нѣне** используется только 13 раз, а стандартное написание через **ѣ** — 85 раз). Очевидно, такое использование буквы **к** коррелирует с ее использованием для обозначения палатальности согласного в раннедревнерусской письменности [Голышенко 1987: 46]. Другие написания **е** после палатальных согласных так последовательно не маркируются буквой **к**, но следует отметить участие фонетического фактора (позиционной нейтрализации звуков, передаваемых **к** и **ѣ**) в именных флексиях. Показательно, что почти половина неэтимологически записанных флексий дв. чис-

происходит в диапазоне от 43 до 75% употреблений. Эта группа написаний, как уже говорилось, выделяется на фоне прочих, т. к. причина замены после палатальных не является чисто орфографической. Возможно, с этим связана несколько меньшая активность таких замен по сравнению с рассмотренными выше.

7. Как показало детальное рассмотрение материала, случаи смещения **ѣ** и **ѣ** в Соф. 188 не распространяются равномерно на все позиции употребления букв. Несмотря на то что в целом мена допускается в рукописи в большом количестве морфем, по частотности заметно выделяются те позиции, которые соотносятся с обычными в ранней древнерусской письменности системами, смешивающими **ѣ** и **ѣ** в ограниченном наборе категорий. Писец Соф. 188 не ограничивался известным набором типовых позиций, но применял ту же механическую операцию замены буквы в расширенном круге морфем и основ. Замену **рѣ**, **лѣ** > **ре**, **ле** в сочетаниях типа **tert* он распространяет на любой слог **рѣ**, **лѣ** независимо от этимологии; необходимость замены в основе **тѣлес-** он распространяет на все основы с формантом **-ес-**; наконец, корреляцию морфем, различающихся **ѣ** и **ѣ**, которая провоцирует замену в большинстве типовых позиций, он начинает использовать без оглядки на регистр соотносимых вариантов — замены происходят в том числе и в квазиомонимичных морфемах, одинаково свойственных восточнославянскому языку (**-ѣн/-ен-**, **бѣс-/бес-**, **вѣд-/вед-** и др.).

Если оставить в стороне упоминавшиеся примеры, в которых применение обозначенных орфографических принципов неочевидно (напр., замена **ѣ** > **ѣ** в словах **трапеза**, **десница**; не ясна обратная замена в 4 из 10 случаев в основе **человѣк-** и др.), то следующие данным принципам примеры составят 81,5% всех неэтимологических написаний **ѣ**, **ѣ** в рукописи (2215 форм). Эта цифра показывает, насколько далека от графического («полнейшего») смещения двух букв картина, наблюдаемая в Соф. 188.

Оставшиеся, не входящие с очевидностью в сферу действия орфографически мотивированных замен примеры, вероятно, являются побочным эффектом очень дробной, часто регламентирующей исправления в пределах двубуквенных сочетаний системы замен. В рукописях со стандартной орфографией, использующих типовые замены **ѣ** и **ѣ**, «остаются случаи, которые нельзя объяснить ни описками, ни ошибками» [Дурново 2000: 478]. По-видимому, процент таких случаев должен быть пропорционален сложности орфографической системы, и в усложненной системе Соф. 188 должно ожидать повышенное количество неоправданных замен. При этом нужно учитывать, что часть этих неоправданных замен может быть

ла (26 примеров из 47) приходится на форму **роуце**. Среди форм ДП ед. частотным написанием с заменой отличается в Соф. 188 форма **вѣдце** (41 раз). Возможно, наличие таких частотных форм с заменой после палатального **ц** обусловило больший процент неэтимологических написаний именно этих флексий (см. п. 3).

подчинена некой индивидуальной мнемотехнической логике писца и что в рамках конкретных морфем (не подпадающих под какую-либо категорию) примеры неэтимологических написаний составляют меньшинство (в основе **звѣздѣ** — 1 из 29 примеров, в основе **мѣдѣ** — 1 из 7, в форме **се** — 1 из 24, в частице **не** — 3 из 1578 и т. п.), в отличие от многих «правильных» нетиповых замен.

8. Необычное внимание писца Соф. 188 к написаниям **ѣ** и **е**, его стремление амплифицировать совокупность орфограмм, связанных с этими буквами, вызывает вопрос о причинах данного явления. Возникновение этой нестандартной орфографической системы необходимо рассматривать на фоне аналогичных явлений в древнерусской орфографии XI — первой пол. XII в.

Орфограммы, связанные с заменой **ѣ** и **е**, являются одной из черт, формирующихся в восточнославянской письменности древнейшего периода и связанных с устранением языковых болгаризмов. Перечень наиболее частотных болгаризмов приводит В. М. Живов, относя к ним наряду с **рѣ** в рефlekсах **tert* также **-тъ** в 3 л. презенса, этимологически правильное употребление юсов, флексии ТП ед. **-омь**, **-емь**, болгарское написание рефlekсов редуцированных с плавным, **жд** на месте **dj* и обозначение палатальных сонорных [Живов 2006: 28]. Все перечисленные черты с разной степенью последовательности начинают русифицироваться уже в XI в., и в процессе масштабной правки в отношении любой из них восточнославянские писцы могут допускать ошибки, проводя замену вне этимологически правильного круга позиций.

Чаще всего такие необоснованные замены имеют единичный характер. Так, один из писцов Изборника 1073 г. придает болгарский вид слову, не имевшему сочетания **dj*, и пишет **дръждаливъ** [Владимирова 1987: 64]. В целом ряде рукописей встречаются формы с заменой **-ом-** на **-ъм-** не в окончании ТП ед., имевшем разный вид в древнеболгарском и древнерусском, а в ДП мн. В том же Изборнике ДП мн. на **-ъмъ** встречается дважды [Еленски 1960: 189]. Также единичные примеры в XI в. отмечены в минеях ок. 1095 и 1097 гг., в древнейшем списке XIII слов Григория Богослова [ИГДРЯ I: 27–28]. Орфографическая перекодировка **-тъ** > **-ть** в некоторых почерках может быть спорадически проведена вне соответствующих глагольных форм; в частности, в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. есть написания **богаты**, **пилаты**, **тъ** [Козловский 1885–1895: 44].

Однако известны и случаи, когда подобные ошибки при правке орфографии не являются единичными, но проводятся систематично. Интересный образец такой системы написаний на базе орфограммы **-тъ** > **-ть** представлен в Погодинском евангелии XI в. Эта замена за пределами глагольных форм 3 л. начинает регламентироваться набором частных орфографических правил; в частности, книжное имя собственное **пилаты** пишется в основном почерке рукописи исключительно в виде **пилаты** [Мольков 2016: 234]. Отсутствие этого слова в разговорном языке, видимо,

способствовало его записи в нестандартном виде, однако и в употребительных словах может применяться та же орфограмма. Слово **братъ** в рукописи также чаще пишется в виде **братъ** [Там же: 235]. Очевидно, написание этого слова через **ѣ** противоречило его реальному произношению /bratъ/, но считалось писцом приоритетным в связи с актуальностью типовой замены **-тъ** > **-тъ** в глаголах и решением писца расширить сферу действия этой орфограммы. Ситуация с расхождением написания и произношения параллельна соответствию **всьемъ** — /vʲsʲetъ/ в Соф. 188.

Более сложную систему, но также с опорой на одну из типовых орфограмм использует основной писец Милятина евангелия первой пол. XII в. Необходимость модификации внешнего вида окончания ТП ед. в *o-склонении он распространяет на все типы склонения в муж. и сред. роде и закрепляет за каждым определенный, искусственно выбранный вариант [Мольков 2014: 27]. В некоторых случаях такой искусственный вариант явно расходится с произношением: так, ТП ед. от слова **имѣ** записывается в виде **именьмъ** при звучании /imʲenʲmъ/.

Общей чертой орфографических систем, расширяющих сферу действия какой-либо орфограммы, связанной с оппозицией южно- и восточнославянских языковых элементов, является их маргинальность. Наблюдаемые в отдельных рукописях нестандартные орфографические системы были, по-видимому, инициативой конкретных писцов, их реакцией на сложную систему перекодировки орфографии, приспособленной под иную языковую систему. Типологически общим также является то, что такие системы связаны с возникновением полностью искусственных написаний, не совпадающих ни с предполагаемым книжным, ни с живым произношением. Эти крайности приводили к тому, что использование подобных систем ограничивалось узусом конкретного писца и не получало дальнейшего распространения.

Для решения вопроса о том, насколько закономерности, наблюдаемые в письме Соф. 188, были индивидуальны для писца этой рукописи, необходим анализ других известных почерков с нестандартной орфографией **ѣ** и **ѣ**. А. И. Соболевский приводит небольшую подборку примеров из Стихираря 1157 г.: **сѣмѣрти**, **корѣне**, **повѣлѣнаѣ**, **на невѣси**, **тъзѣомѣннѣница**, **на колѣсници**, **безмѣздника**, **принѣсти**, **рожьшѣю** (ТП), **първѣѣ**, **ижѣ** [Соболевский 1907: 69]. Уже по этим написаниям можно судить о том, что нестандартная орфография в Соф. 188 и в Стихираре не тождественна: в Соф. 188 не встречается замен **ѣ** > **ѣ**, не используются написания типа **ижѣ**. Однако привлекает внимание возможность замен в существительных на *-es- в обеих рукописях. Интересно, что Н. Н. Дурново в числе выходящих за рамки типовых категорий примеров также приводит формы от основ этого склонения: **истѣсьемъ**, **тѣлѣсьныѣ**, **чрѣвѣса** [Дурново 2000: 474]. Возможно, какие-то элементы описанной орфографии с частой заменой **ѣ** и **ѣ** распространялись за пределы индивидуального употребления.

Л и т е р а т у р а

Васильев 1913 — Л. Л. В а с и л ь е в. Об одном случае смягчения звука п в общеславянском языке, являющегося не посредством следующего за ним древнего j // Русский филологический вестник, 1913. Ч. 3–4. С. 71–76.

Виноградов 1923 — В. В. В и н о г р а д о в. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Очерки из истории звука **ѣ** в севернорусском наречии // Известия Отделения русского языка и словесности РАН. Т. XXIV. Кн. 1–2. Пг., 1923. С. 150–245.

Владимирова 1987 — Л. А. В л а д и м и р о в а. О некоторых языковых особенностях в Изборнике Святослава 1073 года // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 62–69.

Гальченко 2001 — М. Г. Г а л ь ч е н к о. О написаниях с **є** вместо **ѣ** в югозападнорусских рукописях XII–XIV вв. // М. Г. Г а л ь ч е н к о. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. СПб., 2001. С. 60–72.

Голышенко 1987 — В. С. Г о л ы ш е н к о. Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987.

Дурново 2000 — Н. Н. Д у р н о в о. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Н. Н. Д у р н о в о. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000 [1924–1926]. С. 391–494.

Еленски 1960 — Й. Е л е н с к и. Към историята на еровите гласни в староруски език (Върху материал от Светославовия сборник, 1073 г.) // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960. С. 169–194.

Живов 2006 — В. М. Ж и в о в. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.

Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности. М., 2017.

Зализняк 1986 — А. А. З а л и з н я к. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 89–219.

ИГДРЯ I — С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения. М., 2000.

Караулова 1975 — Ф. В. К а р а у л о в а. О некоторых фонетических особенностях рукописи Златоструя XII века // Вопросы языкознания. Вып. 2, ч. 1. Саранск, 1975. С. 78–84.

Козловский 1885–1895 — М. М. К о з л о в с к и й. Исследование о языке Остромирова Евангелия // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 1–127.

Липовая 2007 — С. А. Л и п о в а я. К истории «ять» в древнерусской письменности XI века (на материале Изборника 1076 года) // Вестник Чувашского ун-та. 2007. № 1. С. 241–248.

Мольков 2014 — Г. А. М о л ь к о в. Развитие орфографической системы новгородского писца Домки (на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 21–30.

Мольков 2015 — Г. А. М о л ь к о в. Язык и письмо Милятина евангелия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 3. СПб., 2015. С. 683–742.

Мольков 2016 — Г. А. М о л ь к о в. Особенности языка и письма Погодинского евангелия (РНБ, Погод. 11) // *Die Welt der Slaven*. 2016. Jg. LXI, Heft 2. С. 230–253.

Обнорский 1912 — С. П. О б н о р с к и й. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI века // *Русский филологический вестник*. Т. 68. № 4. 1912. С. 337–379.

Обнорский 1924 — С. П. О б н о р с к и й. Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года // *Известия Отделения русского языка и словесности РАН*. Т. 29. С. 167–226.

Попова 2013 — Т. Г. П о п о в а. Язык и графико-орфографическая система древнейшей славянской рукописи *Лествицы* Иоанна Синайского. Предварительные замечания // *Palaeoslavica*. Vol. XXI. № 1. 2013. С. 15–57.

СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Соболевский 1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соколова 1930 — М. А. С о к о л о в а. К истории русского языка (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // *Известия по русскому языку и словесности АН СССР*. Т. III. 1930. С. 75–135.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

Федорова 2015а — М. А. Ф е д о р о в а. Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода // *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2015. № 2. С. 164–176.

Федорова 2015б — М. А. Ф е д о р о в а. Графико-орфографическая система декабрьской миней из собрания РГАДА (Тип. 96) // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 368–396.

Шахматов 1915 — А. А. Ш а х м а т о в. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Ягич 1886 — И. В. Я г и ч. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. (Памятники древнерусского языка. Том I). СПб., 1886.

Ягич 1889 — И. В. Я г и ч. Критические заметки по истории русского языка // *Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. академии наук*. Т. 46. № 4. СПб., 1889.

Vaillant 1958 — A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II, Morphologie: Deuxième partie, Flexion pronominale. Lyon, 1958.

Резюме

В ранней древнерусской письменности существовало два вида орфографических систем со смешением букв **ѣ** и **ѣ**: основная, допускавшая смешение в определенном наборе позиций, и более редкая – с частым смешением двух букв, не становившаяся до сих пор предметом специального исследования. На примере рукописи Соф. 188 в данной статье рассматриваются особенности орфографической системы второго вида. Анализ сплошной выборки материала по смешению **ѣ** и **ѣ** в рукописи позволяет показать, что основная часть замен буквы носит системный характер. Несмотря на то что в целом мена допускается в рукописи в большом количестве

морфем, по частотности заметно выделяются те позиции, которые непосредственно соотносятся с обычной в ранней древнерусской письменности системой, смешивающей **ѣ** и **ѣ̑** в ограниченном наборе категорий. Писец Соф. 188, отталкиваясь от известного набора типовых позиций, применял ту же механическую операцию замены буквы в расширенном круге морфем и основ. Например, замену **рѣ̑, лѣ̑** > **рѣ, лѣ** в сочетаниях типа **tert* он распространяет на любой слог **рѣ̑, лѣ̑** независимо от этимологии; необходимость замены в основе **тѣ̑лѣс-** он распространяет на все основы с формантом **-ѣс-** и т. п.

Возникновение такой нестандартной орфографической системы сопоставимо с рядом явлений в древнерусской орфографии XI – первой пол. XII в., связанных с устранением отдельных болгаризмов.

Ключевые слова: древнерусский язык, орфография, орфографическая система, смешение **ѣ** и **ѣ̑**.

Получено 09.09.2017

GEORGY A. MOLKOV

VARIATION OF THE LETTERS **ѣ̑** AND **ѣ̑̑** IN THE OFFICE MENAION OF THE EARLY 12TH CENTURY (RNL, SOF. 188)

In early Old Russian writing there were two types of spelling systems in which there was confusion of letters **ѣ̑** and **ѣ̑̑**: the main one with the substitution **ѣ̑̑** > **ѣ̑** in a specific set of positions, and the rarer one with frequent interchange of the two letters; the latter has not yet been the subject of a special study. This article discusses features of the spelling system of the second type found in the manuscript Sof. 188. Analysis of complete sampling of material on variation of the letters **ѣ̑** and **ѣ̑̑** in the manuscript shows that the bulk of the letter substitutions is of a systemic nature. In spite of the fact that letter substitution occurs in general in the manuscript in a large number of morphemes, it predominates in those positions which directly correspond to the standard ones. The scribe of Sof. 188, proceeding from a well-known set of standard positions, applies the same operation of the letter exchange to a larger circle of morphemes and stems. For example, he extends the substitution **рѣ̑̑, лѣ̑̑** > **рѣ̑, лѣ̑** found in **tert*-reflexes to any syllable **рѣ̑̑, лѣ̑̑** regardless of etymology; he transfers the obligatory replacement in the root of oblique forms of the noun **тѣ̑ло** 'body' to all **es*-stems, etc.

The emergence of such a non-standard spelling system is comparable to a number of phenomena in the Old Russian orthography of the 11th – the first half of the 12th centuries, associated with elimination of Old Bulgarian features.

Keywords: Old Russian, orthography, spelling system, **ѣ̑** and **ѣ̑̑** variation.

Received on 09.09.2017